

УДК 801.733: 930.272

ТОЛКОВАНИЕ ОБРАЗА ЛЕВИАФАНА В КНИГЕ ИОВА ДРЕВНИМИ ХРИСТИАНСКИМИ И СОВРЕМЕННЫМИ АВТОРАМИ: ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2020 г.

Л.Н. Береснева,¹ А.М. Надежкин²

Российский государственный университет правосудия, Москва
Независимый исследователь, Москва

mila1012101@mail.ru

Поступила в редакцию 18.08.2020

Рассматривается проблема толкования образа левиафана в Книге Иова и в критической литературе сквозь призму лингвогерменевтического подхода. Древняя экзегеза этого образа, созданная Отцами Церкви, сравнивается с пониманием образа левиафана западными исследователями XIX–XX вв.; делается вывод о том, что современные ученые-библисты (Раши, Г. Эвальд, Дж. Бартон, А. Кларк и др.) ограничивают анализ языкового воплощения данного сложного образа лишь натуралистическим описанием, выхолащивая религиозное содержание.

Ключевые слова: Книга Иова, аллегория, интерпретация, образ левиафана, легенда о св. Самуиле, византийское и латинское христианство, Священное Писание, Септуагинта, патристика, экзегетика, гомилия, лингвогерменевтический подход.

В настоящее время наблюдается рост интереса отечественной гуманитарной науки к языку и стилю Священного Писания, обусловленный исчезновением ряда идеологических препятствий, существовавших в советское время. С другой стороны, протестантские и католические исследователи, жившие в обществе, в котором не было широкомасштабных гонений на христиан, посвятили множество научных и философских текстов разностороннему изучению языковых особенностей Библии, в чем добились серьезных успехов. Необходимость ликвидировать заметное отставание отечественной гуманитаристики от западных исследователей обуславливает научный интерес к обозначенной теме статьи.

Книга Иова изучается богословами, культурологами, литературоведами и рассматривается ими соответственно как слово Божие, памятник культуры и уникальный текст с выраженным идейным, жанровым и языковым содержанием. К сожалению, художественный язык Книги Иова до сих пор во многом представляет собой недостаточно изученное явление. Это связано с феноменом чрезвычайной его сложности для лингвопоэтического анализа. Необходимость проведения лингвистического исследования, касающегося интерпретации отдельных текстологических трудностей данного текста в контексте востребованных в современной лингвистике междисциплинарных стратегий филологического анализа текста, обусловила наше обращение к данной проблеме.

Актуальность работы заключается в том, что Книга Иова, которая является феноменом об-

щекультурной значимости и предметом непреходящего интереса исследователей, священна для иудеев и христиан, так как в ней даны ответы на вечные вопросы о Боге, искренней вере в Творца и кризисе веры, о человеческом страдании, терпении, о Божьем милосердии и любви.

Цель исследования – изучить толкования образа левиафана в произведениях Святых Отцов и сравнить их с поздними рационалистическими интерпретациями этого образа иудейскими и европейскими учеными-библистами.

Научная новизна данной работы состоит в привлечении редкого материала из жития св. Самуила для толкования текста эфиопской Книги Иова (40:17), а также в сравнении со святоотеческой экзегезой для анализа образа левиафана. Нами будут приведены толкования данного образа Отцами Церкви и представлены многочисленные интерпретации образа левиафана западными исследователями XIX–XX веков.

В последних главах Книги Иова дается подробное аллегорическое описание некоего существа, которое в еврейском тексте называется левиафаном или «бехемотом», а в греческом варианте – θηρία, что можно перевести как «зверь зверей». Зверь этот силен в «чреслах и мускулах чрева», хвост его «уоставлен в небо», как кипарис или кедр, жилы его переплетены, а ребра и хребет подобны меди и железу, поэтому человеческое оружие: мечи, луки и копья – не могут поразить его. У него гордая, мощная шея, а «сердце твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов» (Иов. 41:16). Именно это чу-

довище разрушило благополучную жизнь Иова. Напомним, что Иов – ветхозаветный праведник, предположительно живший в Аравии и происходивший из сынов Исава, история которого относится ко времени до Моисея, по крайней мере до создания Пятикнижия. В начале Книги Иова рассказывается о том, что праведник был человеком боголюбивым, за это Бог благословил его дом, который был полной чашей, семья его жила в любви и понимании. Затем описывается спор между дьяволом и Богом: «Даром ли богобоязнен Иов, крепка ли его вера?». Иов лишился богатства, у него погибли дети, сам он страдал от неизлечимой болезни, вероятно проказы, жена и друзья отвернулись от него. Значительная часть текста книги – это речи Иова, которые посвящены проблемам страдания, терпения, справедливости, воздания, любви к Богу. В конце Книги Иов переживает откровение, которое примиряет его с Богом. В последней главе читатель узнает, что Бог исцеляет прошедшего мучительные испытания Иова и возвращает благополучие его семье.

Если мы обратимся к греческой традиции экзегез, то увидим, что древние экзегеты единогласно видели в образе левиафана аллегория дьявола. Так, Иоанн Златоуст писал: «Не безызвестно нам, что многие разумеют в этих словах дьявола, понимая в иносказательном смысле» [1].

Строку, дополняющую описание левиафана из Книги Иова («из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры»), философ Ориген толковал так: «Я думаю, что все нечестивые зачинатели безбожных учений суть собственно члены дракона..., когда они оскорбляют Творца неба и земли, когда говорят, что Его не существует и Он не имеет духовной сущности, когда они говорят подобные вещи, из их пасти выходят пламенники горящие, и выскакивают искры огненные (Иов. 41:11. LXX). Поэтому мы... будем блюсти себя, чтобы те пламенники не обожгли нас, дабы огненные искры не коснулись нас» [2].

Близкое толкование образа левиафана можно увидеть и в латинских богословских писаниях. Филипп Священник, комментируя строку «поворачивает хвостом своим, как кедром», писал: «Мне кажется, что так сказано потому, что даже в последние времена, которые обозначены хвостом, он не возвратится к Богу. Напротив, будучи надменным и нечестивым в своей тирании, он никогда не раскается. Возвысившись, словно кедр, он обречен на разрушение и уничтожение гласом Господа, судящим праведно... Жилы же на бедрах его переплетены. Как мне кажется, жилами, которые очень крепки и неразрывны, он называет те удовольствия, с помощью которых дьявол удерживает людей плоти» [3].

В стихе 40:17 эфиопской Книги Иова читатель видит картину отдыха левиафана, которая является ключом к пониманию этого образа: «И дерево даэро дает ему тень, как и ветви тополя» [4, с. 114]. О смысле метафоры «тени от деревьев» размышлял папа римский свт. Григорий Двоеслов: «тени покрывают его тень», когда нечестивого поддерживают и направляют еще более нечестивые. Таким образом, они покрывают себя, когда защищают другого нечестивого, потому что они предвидят, что их собственное поведение тоже подвергается нападению через обличение одного, поэтому, чем больше зло грешников растет, тем больше они имеют возможность его распространять дальше через защиту сильных мира сего и оставаться безнаказанными. Но такие люди, называются ли они участниками Святой Церкви или нет, показывают себя как врагов Бога, и тем больше покрывают они грехов» [5].

В этом тексте есть подсказка, чтобы читатели поняли inferнальность образа левиафана. Подсказка – это название дерева «даэро». Упоминание этого дерева встречается в легенде о св. Самуиле: так называлось дерево, в ветвях которого обитал змей: «Стояло великое дерево в земле Зем, дерево даэро. Дерево это кровотоило, как женщина при месячных, и змей скрывался в ветвях его. Авва Самуил пришел в Зем, чтобы изгнать змея и срубить дерево. Ему удалось срубить дерево после того, как он осенил лицо свое крестом и после того, как занес топор свой на ствол во имя Святой Троицы. Ядовитый змей сбежал с дерева. По молитвам святого Самуила яд [змея] лишился своей силы, а сам змей, получив восемьдесят один удар от народа, умер» [6]. В конце притчи «Самуил крестил народ, научил его вере православной и начал строительство церкви в Земе в честь Пресвятой Девы Марии» [6].

Сравнив оба сюжета, авторы перевода назвали «великое дерево» из Книги Иова «деревом даэро», указав, с одной стороны, на его демонический характер, с другой – на обращение к житию св. Самуила, которое давало читателю надежду, так как святой, осенив себя крестным знаменем, срубил его. О надежде на победу над левиафаном говорится и в Книге Иова: «Он умертвил змея-отступника повелением Своим» (Иов. 26:13).

Эту идею развивает и архимандрит Рафаил Карелин: «Бегемот и левиафан – метафорическое изображение сатаны. Необходимо обратить внимание на 14-ый стих 40-ой главы Иова, где упоминается, что сатана – первоангел – «верх путей Божиих»; одно из его имен Люцифер – сияющий, светозарный. Он был создан

высшим из творений Божиих. Но тот, кто был выше всех, стал ниже всех, однако сохранил свою прежнюю силу. Она неодолима для людей; только Бог может победить сатану: «Это – верх путей Божиих; только Сотворивши его может приблизить к нему меч Свой». Меч, о котором говорится в этом стихе, – Крест Иисуса Христа» [7]. Более того, мы видим, что переводчики обращались к житию св. Самуила как к прецедентному тексту, потому что, если сравнить греческую и эфиопскую версии Септуагинты, выяснится, что на том месте, где в греческом первоисточнике стоит словосочетание «деревья великие», в эфиопском тексте употребляется название «даэро», то есть читатель священных текстов прекрасно понимал и не нуждался в дополнительных разъяснениях, что «даэро» – дерево великое. Перед нами поздняя вставка, которая могла появиться не раньше XIV века, так как именно в это время, по преданию, жил св. Самуил. Таким образом, мы заключаем, что текст, включающий упоминание дерева даэро, может относиться к более поздним манускриптам, поэтому за счет отсылки к известному житию переводчики эфиопского варианта Книги Иова, которые знали христианские толкования данного стиха, сконцентрировали внимание на его экзегетическом смысле.

Необходимо еще обратить внимание на трактовку образа левиафана Григорием Двоесловом, создавшим один из наиболее полных комментариев на Книгу Иова. Он писал: «Все нечестивые в тени дьявола: ибо, чем больше они ему подражают, тем больше они получают форму сходства с его телом. Нечестивые – его «тени», и каждый отдельный грешник его – «тень». Но когда нечестивые не просто отрицают учение, когда они не позволяют любому злему человеку исправиться, тени этого Бегемота покрывают свою тень. Это происходит тогда, когда грешники, осознавая грех в себе, поддерживают другого грешника в том же грехе» [5]. Через это толкование ученого-библеиста читатель понимает смысл следующего метафорического полустушия, которое в греческом тексте звучит так: «Ивы при ручьях будут окружать его» (левиафана).

Надо сказать, что в Писании символ ивы имеет амбивалентный характер: «В Священном Писании, когда говорится об «ивах», иногда аллегорически подчеркивается их пышная зелень, а иногда – их бесплодность. Их яркая зелень – это жизнь избранных. Пророк сказал относительно детей Святой Церкви «они будут расти среди травы, как ивы при ручьях» (Ис. 44:4). Это мудрое изречение: безусловно, дети Святой Церкви растут, как ивы среди травы, на

фоне увядающей плотской жизни, потому что они живут вечно в вечной зелени духа. И это глубокое замечание, потому что верующие люди живут «при ручьях», дабы каждый получал свою плодотворную пищу от учения Священного Писания. А жизнь грешников обозначается бесплодностью ивы. Григорий Двоеслов отметил, что в данном контексте (Иов. 40:17) аллегория ивы означает, что «чем больше любители земной жизни, бесплодные в добрых делах, приближаются к нему (дьяволу), тем более обильно восторг временных удовольствий поливает их. Ручей в этом случае означает, что он питает корни, когда любовь плотской жизни опьяняет их мысли. И, как ивы, они не принесут на самом деле никаких плодов, но будут иметь зеленую крону, потому что они при необходимости, если это не будет обременительно, произнесут хорошие слова, но не подтвердят их делами. Поэтому сказано, «что ивы у ручья будут окружать его» (левиафана), потому что, когда те, кто не приносят плода, посвящают себя любви к этой временной жизни, они вовлекаются в деяния древнего врага» [5].

Греческая экзегеза видит в образе ив, окружающих «бехемота», аллегория грешников, которые «вовлекаются в дела древнего врага» – дьявола. Эфиопские средневековые переводчики то место в Книге Иова перевели «как ветви тополя». Замена названия ивы на тополь может быть объяснена тем, что эти деревья относятся к одному семейству, имеют схожие условия обитания, произрастая по долинам рек, болот в хорошо увлажненной почве. Таким образом, слово «тополь» может быть переводческим соответствием для слова «ивы».

К сожалению, данный стих на еврейском языке способствует тому, чтобы его понимали не мистически, а натуралистически, чему следует большинство современных западных толкователей, представляя вместо образа сатаны-левиафана различных животных, отдыхающих в ивовых зарослях: гиппопотама, крокодила или даже слона. Но при кажущемся сходстве строк Септуагинты настаивает на метафорическом понимании смысла данного стиха, где под образом левиафана понимается «древний враг» – дьявол, сатана.

А теперь рассмотрим, как интерпретируют этот образ исследователи XIX–XX в. Так, авторитетный иудейский комментатор Раши, объясняя строку еврейского текста, где дается описание левиафана («это – верх путей Божиих»), говорит: «Он сотворен в начале, чтобы быть главным над всеми животными» [8]. Раши говорит о том, что под «бехемотом» нужно понимать животное: «он царь горделивых зверей.

Он смотрит за всеми горделивыми зверями, за всеми высшими тварями, которые Бог создал словом Своим и которые не имеют власти и господства, кроме него» [8]. Мы видим, что Раши в своих толкованиях восхищается «бехемом»: считает его царем зверей, обладающим властью над ними, говорит о его силе и крепости, считает его сотворенным «прежде всех животных, чтобы главенствовать над ними», при этом строки, которые не совпадают с основным настроением его толкования, исследователем не комментируются, поэтому остается неясным, в чем заключается «главенство» этого «сильного животного» над остальными. Относительно второго полустишия данного стиха («только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой») Раши лишь поясняет, что Сотворивший – это «Единый Господь, да будет благословенно имя Его, Сам пронзит его» [8]. Кто такой Сотворивший, вряд ли нуждается в пояснении, но гораздо интереснее, что Раши не объясняет, зачем Господь должен поразить этого зверя, который «главный над животными».

К сожалению, эта иудейская экзегетическая традиция проникла во все переводы Книги Иова, опирающиеся только на еврейский вариант текста, при этом не привлекая Септуагинту и греческую экзегезу. Таковы переводы М.И. Рижского, С.С. Аверинцева, А.С. Десницкого, игнорирующие Септуагинту и греческую экзегезу – данный подход стал доминирующим в научной литературе. Так, А.П. Лопухин пишет, что описание зверя из Книги Иова соответствует бегемоту: «Толстый в основании и тонкий на конце хвост бегемота прям, тверд и эластичен, как кедр, тело его усеяно переплетающимися жилами, массивное туловище с твердыми, как железо, костями поддерживается крепкими, как медные трубы, ногами» [9, с. 181]. Таким переводом ученый избавляет себя от необходимости отвечать на вопрос: «Почему Бог враждует с бегемотом?» – о чем говорится и в еврейском, и в греческом вариантах Книги Иова.

Профессор восточных языков Г. Эвальд в «Комментарии на Иова» пишет, что под «бехемом» понимается «египетское название гиппопотама», чей хвост похож на ветвь кедра, а меч, который дал ему Творец, – это его зубы. О левиафане же он говорит, что это слово должно означать «существующее животное, а именно крокодила» [10, р. 323].

Подобную тенденцию интерпретации данного образа продолжает профессор Дж. Бартон в своей книге «Библия в школе и дома». Он пишет, что пометы на полях свитков толковали образ левиафана как крокодила, описание которого привнесено из месопотамской мифологии

[11, р. 305–306]. Дж. Бартон замечает, что попытки библеистов исторической школы трактовать образ «бехемота» как гиппопотама встречали серьезное «сопротивление материала». Так, например, было выяснено, что гиппопотамы на Иордане не обитали, а в Книге Иова сказано: «Вот он пьет из реки и не торопится, остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его» [11, р. 305–306]. Библеист Дж. Бартон пишет, что, обнаружив это несоответствие, сторонники гипотезы о том, что под образом «бехемота» скрывается гиппопотам, не пересмотрели свою теорию и не пришли к мысли, что, возможно, под словом «бехемот» нужно понимать некий символ, а стали, наоборот, настаивать, что испорчен сам библейский текст и нужно вместо «Иордан» читать «Нил», не приводя в защиту этой версии никаких текстологических доказательств [11, р. 303]. Единственным основанием этой гипотезы служит предположение, что слово «бехемот» – гиппопотам, которое для ученых этой школы возведено в аксиому. В то же время описание «пламенников», вырывающихся из пасти «бехемота», Дж. Бартон считает введенными элементами описания некоего мифологического чудовища, отказываясь искать в них символический смысл; он также не находит объяснения многим сложным символическим стихам: «Сердце его жестко, как нижний жернов» (Иов. 40:16), «Оставляет за собой светящуюся стезю, бездна кажется сединою» (Иов. 40:24) – они просто опускаются без комментария [11, р. 310–311].

Другой западный библеист, доктор богословия Т. Робинсон, в книге «Комментарий на Книгу Иова для проповедника» приводит мнения католических и протестантских богословов относительно слова «бехемот». Он обращается к высказываниям старинных комментаторов, в частности Мерсера, который считает, что под образом «бехемота» скрывается слон. Епископ Патрик отвергает эту версию, потому что слоны «никогда не лежат посреди рек круглосуточно», а подобное животное, целыми днями проводящее время в воде, обитает в тех краях, – это гиппопотам. А. Кларк, изучая поведенческие характеристики этого животного, пришел к выводу, что описывается отчасти слон, а отчасти – гиппопотам [12].

Т. Робинсон, выбирая между этими двумя вариантами, склоняется ко второму, говоря, что гиппопотамов евреи могли видеть на Ниле, в отличие от слонов, но текстологических подтверждений возможности такой замены автор также не предоставляет. Под левиафаном

Т. Робинсон также понимает и некое «морское чудовище», которое комментаторы опознают как кита или крокодила. Но, обращаясь к параллельным текстам из Священного Писания, Т. Робинсон все же приходит к выводу, что левиафан, то есть по-гречески «дракон», является аллегорией дьявола: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаню, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:9). Также свидетельства тому, что левиафан является аллегорией лукавого, автор находит в Ветхом Завете: «В тот день поразит Господь мечом Своим, тяжелым, и большим, и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис. 27:1) [12].

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Западные позитивисты XIX–XX века образ левиафана ассоциируют только с животным и тем самым удаляются от религиозной парадигмы, не решая сложные философско-религиозные вопросы – борьбы Бога с дьяволом, а древние толкователи видели этот образ шире и имели смелость решать этот вопрос. Древние христианские авторы представляли этот аллегорический образ как многоплановый, с большой смысловой составляющей, современные же исследователи ограничивают данный сложный образ лишь натуралистическим описанием, выхолащивая религиозное содержание.

Список литературы

1. Иоанн Златоуст [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-10/yoann-zlatoust-svatitel/> (дата обращения: 17.07.2020).
2. Ориген [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-41/stih-11/origen/> (дата обращения: 17.07.2020).
3. Филипп Священник [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-12/filipp-svasennik/> (дата обращения: 17.07.2020).
4. Книга Иова (эфиопская версия) / Пер. с франц. подстрочника А.М. Надежкина. Н. Новгород: Радонеж, 2019. 123 с.
5. Григорий Двоеслов [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-17/grigorij-dvoeslov-svatitel/> (дата обращения: 17.07.2020).
6. The daero tree [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Samuel_of_Dabra_Wagag (дата обращения: 17.07.2020).
7. Архимандрит Рафаил Карелин [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-14/rafail-karelin-arhimandrit/> (дата обращения: 17.07.2020).
8. The complete Jewish Bible with Rashi commentary [Электронный ресурс]. URL: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16442/showrashi/true#v19 (дата обращения: 17.07.2020).
9. Лопухин А.П. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания А.П. Лопухина. СПб., 1907. Т. 4. 950 с.
10. George Heinrich August von Ewald. Commentary on Job. London: Williams and Norgate publ., 1882. 352 p.
11. Barton G.A. The Bible for school and home. The book of Job. New York: Macmillan Company, 1911. 321 p.
12. Robinson Th. Homiletical Commentary on the Book of Job. L.: Richard D. Dickinson publ., 1876. 301 p.

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF LEVIATHAN IN THE BOOK OF JOB BY ANCIENT CHRISTIAN AND MODERN AUTHORS: LINGUO-HERMENEUTIC ASPECT

L.N. Beresneva, A.M. Nadezhkin

The article deals with the problem of interpretation of the image of leviathan in the Book of Job and critical literature in the linguo-hermeneutic aspect. The authors compare the ancient exegesis of this image, created by the Church Fathers, with the understanding of this image among Western researchers of the 19–20th century. The authors come to the conclusion that modern researchers: Rashi, G. Ewald, J. Barton, A. Clarke and others – limit the language embodiment of this complex image to only a naturalistic description, emasculating the religious content.

Keywords and phrases: The Book of Job; allegory; interpretation; the image of Leviathan; the legend of St. Samuel; Byzantine and Latin Christianity; Holy Scripture, Septuagint, Patristics; exegesis; homily; linguo-hermeneutic aspect.

References

1. Ioann Zlatoust [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-10/yoann-zlatoust-svatitel/> (data obrashcheniya: 17.07.2020).
2. Origen [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-41/stih-11/origen/> (data obrashcheniya: 17.07.2020).
3. Filipp Svyashchennik [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-12/filipp-svasennik/> (data obrashcheniya: 17.07.2020).
4. Kniga Iova (efiopskaya versiya) / Per. s franc. podstrochnika A.M. Nadezhkina. N. Novgorod: Radonezh, 2019. 123 s.
5. Grigorij Dvoeslov [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-17/grigorij-dvoeslov-svatitel/> (data obrashcheniya: 17.07.2020).
6. The daero tree [Elektronnyj resurs]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Samuel_of_Dabra_Wagag (data obrashcheniya: 17.07.2020).
7. Arhimandrit Rafail Karelin [Elektronnyj resurs].

URL: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-40/stih-14/rafail-karelin-arhimandrit/> (data obrashcheniya: 17.07.2020).

8. The complete Jewish Bible with Rashi commentary [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16442/showrashi/true#v19 (data obrashcheniya: 17.07.2020).

9. Lopuhin A.P. Tolkovaya Bibliya ili kommentarij na vse knigi Svyashchennogo Pisaniya A.P. Lopuhina.

SPb., 1907. T. 4. 950 s.

10. George Heinrich August von Ewald. Commentary on Job. London: Williams and Norgate publ., 1882. 352 p.

11. Barton G.A. The Bible for school and home. The book of Job. New York: Macmillan Company, 1911. 321 p.

12. Robinson Th. Homiletical Commentary on the Book of Job. L.: Richard D. Dickinson publ., 1876. 301 p.